

Гришин Вадим Васильевич, Шиловская Наталья Станиславовна

ФИЛОСОФИЯ КРЕСТЬЯНСТВА Ж.-Ж. РУССО И Л. Н. ТОЛСТОГО: ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена судьбе крестьянства, его истории, жизненному пространству и трагизму крестьянского бытия. Обсуждаются концепция истории Ж.-Ж. Руссо, руссоистская идеализация патриархального крестьянского мира, их сильные стороны и противоречия. Концепция человека в истории Ж.-Ж. Руссо рассматривается в гуманистическом аспекте. В качестве идейного наследника Ж.-Ж. Руссо авторы трактуют русского писателя Л. Н. Толстого. Прослеживаются параллели между идеями французского философа и русского писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 67-69. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 140.08

Философские науки

Статья посвящена судьбе крестьянства, его истории, жизненному пространству и трагизму крестьянского бытия. Обсуждаются концепция истории Ж.-Ж. Руссо, руссоистская идеализация патриархального крестьянского мира, их сильные стороны и противоречия. Концепция человека в истории Ж.-Ж. Руссо рассматривается в гуманистическом аспекте. В качестве идейного наследника Ж.-Ж. Руссо авторы трактуют русского писателя Л. Н. Толстого. Прослеживаются параллели между идеями французского философа и русского писателя.

Ключевые слова и фразы: человек; история; бытие; экзистенция; гуманизм; крестьянство; прогресс.

Гришин Вадим Васильевич, к. филос. н., доцент

Шиловская Наталья Станиславовна, к. филос. н., доцент

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

vadimgrishin61@mail.ru; shilovskaya-nata@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ КРЕСТЬЯНСТВА Ж.-Ж. РУССО И Л. Н. ТОЛСТОГО: ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]

Введение

С многоликостью исторического бытия имеет дело не только история как наука, ее также пытаются постичь литераторы, тем более литераторы-философы, какими были, например, Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстой. Несмотря на то, что один – французский просветитель, другой – русский писатель-реалист, между ними есть общее. Общим является тема крестьянства: оба отражают особенности крестьянского чувственного сознания. Человек, строящий свое мировоззрение только на чувственном отношении к бытию, подвержен опасностям выпадения из процесса исторического развития. Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстой в своем литературно-философском творчестве отразили трагедию крестьянства, его склонность к созиданию и разрушению, покорности и бунту, мифотворчеству и богоборчеству.

Крестьянство и технический прогресс: общие замечания

В одном из своих рассказов о провинциальной жизни интеллигентов А. П. Чехов устами уездного врача проводит мысль о том, что русский народ (имея в виду крестьянство), в отличие от мещан, купцов, мастеровых, не имеет никакой истории. Соха, телега как были сотни веков назад, так и остались. Далее он делает логический вывод: раз нет истории, нет и самого народа. Позиция А. П. Чехова объяснима: он негодует по поводу отсталости и забитости русского крестьянина. Антон Павлович, в отличие от Льва Николаевича Толстого, не отказывается ни от телеграфа, ни от электричества, он приветствует прогресс.

Однако позиция А. П. Чехова не безупречна. Можно по-иному посмотреть на событие, описанное, например, в рассказе «Злоумышленник»: не глазами просвещенного читателя, посмеивающегося над непонятливым крестьянином, открывающим гайки для рыболовной снасти, а глазами того самого злоумышленника. Что дала ему железная дорога? Облегчила ли она ему жизнь, улучшила условия жизни? Если вспомнить «Железную дорогу» Н. А. Некрасова, то строительство последней принесло много страданий и смертей простым людям. Дороги строились ради коммерческой выгоды, проходили по полям и угольям крестьян, пересекали селения, что создавало угрозу жителям и домашнему скоту. Транспортная сеть снижала цены на хлеб, что еще больше разоряло крестьян. Часто ли сам крестьянин пользовался ее услугами? Так что единственная выгода – гайки для рыбалки.

А много ли выиграли современные российские крестьяне от прогресса? Взять только одну его сторону – пищевые биохимические добавки, снижающие спрос на натуральное сырье. Таким образом, крестьяне интуитивно воспринимали прогресс как смертельную угрозу их образу жизни.

Здесь возможен и третий подход к намеченной нами проблеме: внедрение новейших технологий в сельское хозяйство, которое бы уменьшило все затраты, но сохранило высокие цены на сельхозпродукты, не создавая при этом угрозу численности крестьян. Другими словами, убрать минусы современного сельского труда и быта, оставив плюсы. Один из вариантов – хрущевские реформы в сельском хозяйстве, суть которых заключалась в ограничении личного подворья, что принесло, разумеется, негативный результат. Таким образом, прогресс, даже в том обществе, которое провозгласило гуманистические цели, несет негативные последствия. В своей совокупности негативные стороны могут превалировать над положительными. Гуманизм попал в сложное положение по отношению к прогрессу.

История имеет немало примеров, когда крестьянство сходило на нет, теряло свою бытийность. Огораживание в Англии, когда ради развития мануфактурного производства отбиралась земля под пастбище, «овцы съели людей», – далеко не последний пример уничтожения крестьянства. Когда уходит в небытие крестьянство, земля (в хайдеггеровском понимании) из живого равноправного субъекта, утрачивая сакрально-творческое содержание, превращается в объект эксплуатации. Итог такого процесса предугадать нетрудно: «Земля такова, что всякое стремление внедриться в нее разбивается об нее же самое. Земля такова, что всякую

настойчивость исчисления она обращает в разрушение. Как бы ни кичилась разрушительная настойчивость видимостью своей власти, видимостью развития и прогресса в облике научно-технического опредмечивания природы, эти власть и господство навеки останутся бессилием желаний» [6, с. 149].

Мир крестьянина – его земля, и все, что грозит этому миру, грозит стабильности, «бытию и времени» крестьян. Отсюда постоянный поиск утопии, идеального общества. Крестьянский социализм – это идеальная модель устройства бытия, в которой не предусмотрено иного человека, сословия в силу их ненужности гармоничной жизни земли.

Трагизм бытия французского крестьянина, гуманизм и рефлексия Ж.-Ж. Руссо

В XVIII веке крестьянам Франции не до идей: в результате дворянских и банковских интриг они потеряли как землю, так и свободу. Феодальные повинности и злоупотребления власти достигли наивысшей точки. Абсолютная монархия, какими бы просветительскими идеями она не руководствовалась, с одной стороны, и католическая церковь, – с другой, нисколько не заботились о благе крестьян. Существенная особенность французских крестьян – это их юридически неопределенный статус третьего сословия, в которое помимо них также входили купцы, ремесленники и буржуа, что затрудняло как выделение крестьянства, так и осознание собственных классовых интересов, развитие самосознания. Они вынуждены, находясь в связке с буржуазией и будучи ведомыми ею, защищать, порой, чуждые им интересы. Крестьяне поддержат тех, кто эмоционально свяжет проблему земли, традиции со свободой: поэтому они будут поддерживать и Робеспьера, и Наполеона. Но их самостоятельное выступление, пусть иногда спровоцированное, как в Вандее, всегда есть бунт, и это бунт «жестокий и беспощадный».

Единственным идеологом бунта во Французской революции был Ж.-Ж. Руссо с его призывом отказаться от цивилизации, от разума и вернуться к природе. Ж.-Ж. Руссо гуманен к человеческому роду: человек от природы добр. Однако в конкретном человеке Ж.-Ж. Руссо рассматривает способность к восприятию внешней свободы через самосознание внутренней свободы, отсюда его далеко негуманистический вывод о подчинении личной воли общественной. Данное руссоистское положение тем не менее содержит элементы историзма, оцененные Гегелем: «У Руссо появился принцип свободы, и последний сообщил человеку, который стал понимать себя как бесконечного, бесконечную силу» [3, с. 457]. Но если Г. Гегель последователен, то у Ж.-Ж. Руссо есть необъяснимое противоречие. Например, Ж.-Ж. Руссо, рассматривая восстание польских крепостных крестьян, признает их внутреннюю неготовность к освобождению. Здесь соблюден принцип историзма, но нарушена логика теории самого Ж.-Ж. Руссо, так как помещики, несомненно, более культурны, чем крестьяне, поэтому более свободны. Однако культура есть продукт цивилизации, от которой, по Ж.-Ж. Руссо, надо избавляться. Если история и виновна в рабском положении человека, то история должна и помочь освободить человека, подготовив его разум к осознанию своего положения.

Есть определенная взаимосвязь крестьянского быта, круговорота времени, чувственного сознания с определенными идеями и их носителями, которые, будучи культурными продуктами своих эпох, берут на себя роль спасателей всего человечества. Ради спасения они предлагают отказаться от всех культурных ценностей. Но если Ж.-Ж. Руссо проповедовал возвращение человека в лоно природы, сам он туда возвращаться явно не собирался. Он пишет дидактическую книгу о воспитании, а всех своих детей пристраивает в благотворительные приюты. В Виндельбанд пытается показать позитивное значение Ж.-Ж. Руссо, который повлиял на И. Канта тем, что «метафизика не необходима и бесполезна для обоснования морали и религии» [2, с. 35], но как раз этот разрыв и приводит к путанице, противопоставлению бытия и человека, идеи и морали.

Ж.-Ж. Руссо не по-религиозному смотрит на историю, он вводит понятие воли народа как субстанциальной силы, стремящейся обрести полную свободу, что означает совпадение границ государства с национальной принадлежностью граждан. Воля народа и воля человека не всегда совпадают, их интересы сталкиваются в лице государства. Всеобщая воля воплощается в лидерах и героях, воля творит историю. У Ж.-Ж. Руссо присутствует иррациональная вера в избранность определенного народа и его лидера, что исторически приведет к тому, что религиозные войны будут заменены на национальные. В исторической концепции Ж.-Ж. Руссо заложена мера ответственности человека за свои поступки, за всю свою жизнь. В реальности исторического бытия естественное (природное) и социальное неравенство не разрешатся ни революцией, ни призывом «назад к природе». Харизматические личности, некоторые из которых были с психическими отклонениями (например, А. Гитлер) вершат судьбами тех простых людей, о которых так заботится Жан-Жак, поэтому прав Г. Гейне, назвав Ж.-Ж. Руссо руками Робеспьера.

Л. Н. Толстой как руссоист и гуманист

Л. Н. Толстой, будучи идейным последователем Ж.-Ж. Руссо, также идеализирует крестьянский мир, общину, хотя, с другой стороны, понимает ее негативные стороны. Он готов оказать крестьянскому сообществу теоретическую услугу: научить крестьян выражать рациональным языком собственные интересы. Он также оказывает реальную, фактическую помощь, и в этой стороне деятельности он, несомненно, гуманист. Однако можно ли назвать его учение гуманистическим?

Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстой, М. Ганди, являясь рьяными обличителями эксплуататорского строя, унижающего человека объективно пытались вернуть его в природное рабство. Стремясь разбудить волю человека, пробудить активность человека к бунту против существующего бытия (стихийному, как сама природа), они вынуждены будут закопать человека по пояс в землю, чтобы противостоять натиску истории, которая, так или иначе, в соответствии с законом развития, приведет из изначального состояния первобытного равенства к классовому обществу. Поэтому их идеи консервативны, не гуманистичны.

Если говорить только о Л. Н. Толстом, то он отрицает науку, не верит в успехи медицины, в чем близок А. Шопенгауэру: «Зачем все это? Ведь это хорошо бы было, если бы можно было остановить жизнь? Идет жизнь – значит: волосы падают, зубы портятся, морщины, запах изо рта... Но мало того, что нет жизни в том, в чем казалась жизнь, сам начинаешь уходить из нее, сам слабеешь, дуреешь, разлагаешься, другие на твоих глазах выхватывают у тебя те наслаждения, в которых было все благо жизни» [1, с. 397]. Попытки повернуть историю вспять дорого обходятся человечеству: «культурная революция» в Китае, геноцид красных кхмеров против своего народа в Камбодже – вот лишь два, правда, неординарных примера из современной истории.

Л. Н. Толстой, исповедуя идеи Ж.-Ж. Руссо, попытался исправить его теоретические ошибки. Он вывел из исторического процесса вождей и героев, введя на авансцену бытийности экзистенциальность человека – страсти, желания, раскаяние, унижение, порывы, гордость, страх, восторг всех без исключения людей. Л. Н. Толстой поднимает ценность простого человека, сводя на нет деятельность императоров и высших чиновников, нарушая принцип историзма за счет гуманизма. Но, сводя логику объективного процесса к фатализму, он сводит на нет субъектность самого человека. Противоречие «руссоизма» сохраняется. Л. Н. Толстой отдает исторический процесс во власть гегельянской теории о векторе суммы разнозначных поступков людей, определяющий путь развития истории. Но каждый человек, в свою очередь, есть проводник, осознанно или нет, мирового духа, что явно отрицается Львом Николаевичем. Он склонен рассматривать историю через призму библейского суждения о суете сует, показывая явный скепсис к познанию цели истории, и видит всю пагубность прогресса.

Л. Н. Толстой принимает позицию стоиков: «Он ищет смысл истории вне ее: “идеи истории” надо противопоставить “идею внеистории”» [5, с. 446]. Он пытается ответить на этот вопрос всю жизнь, фиксируя этапы поиска как в творчестве, так и в службе государству, обществу, крестьянскому миру, просвещению и, наконец, в личной жизни. Но везде его ждет разочарование. Можно согласиться с В. Кантором: «отрицание Толстым истории было чревато серьезной опасностью и привело его, в конечном счете, к отрицанию всей общественно-государственной структуры России и перелицовке христианства» [Там же, с. 450].

Однако проблема глубже. Она кроется во взаимоотношениях человека с бытием. Л. Н. Толстой не принимает ни здесь-бытие (в хайдеггеровском понимании), ни трансцендентное бытие в христианской интерпретации. Он углубляется в поиск природной стихии русского народа, где есть и высшая справедливость, и настоящая правда. Это отметил Н. А. Бердяев, сравнивая Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: «И Толстой и Достоевский не выдерживают высоты и бросаются вниз, их притягивает эта темная, необъятная, таинственная стихия народная... они капитулировали перед мужицким царством, ниспали в его таинственную бездну» [Там же, с. 124]. Действительно, Л. Н. Толстой пытался обуздать эту народную стихию, направить ее в русло просвещения и рационализации труда. И все его попытки приносили или видимый успех, или терпели полный крах.

Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстой – оба не сумели адекватно подойти к реальности исторического бытия. Оба мыслителя создали в своем творчестве своеобразный миф. Первый – миф возврата к природному доцивилизованному состоянию, гармоничному единению человека и природы. Второй – миф об идеальном мире русского крестьянина. Тем не менее руссоистский и толстовский мифы имеют философскую почву.

В целом Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстой не только идеализировали крестьянский мир, но, обладая незаурядными творческими способностями, видели глубину социальной несправедливости. Государство, церковь, правящая элита становятся оковами человека труда, – говорили они. Надежда на науку, прогресс, по их мнению, не оправдалась. Отсюда оба мыслителя обратились к прошлому человечества, увидев в нем гармоническое соединение человека и природы. Революционные изменения – надежды первого мыслителя – и духовное совершенство человека – проповедь второго. Философские системы Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого являются неоценимым вкладом в сокровище мировой мысли.

Список литературы

1. Алданов М. Портреты: в 2-х т. М.: Захаров, 2007. Т. 1. 688 с.
2. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2-х т. М.: Гиперборей, 2007. Т. 2. 512 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга третья. СПб.: Наука, 2006. 480 с.
4. Достоевский Ф. М. Post Scriptum: сборник. М.: Эксмо, 2007.
5. Кантор В. К. Русская классика, или Бытие России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. 608 с.
6. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический Проект, 2008. 528 с.

PEASANTRY PHILOSOPHY BY JEAN-JACQUES ROUSSEAU AND L. N. TOLSTOY: HUMANISTIC ASPECT

Grishin Vadim Vasil'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Shilovskaya Natal'ya Stanislavovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
vadimgrishin61@mail.ru; shilovskaya-nata@mail.ru

The article is devoted to the destiny of peasantry, its history, living space and the tragedy of peasant life. The paper discusses the conception of history by Jean-Jacques Rousseau, the Rousseauist idealization of patriarchal peasant world, their strong points and contradictions. The conception of the human in Rousseau's history is considered in humanistic aspect. The authors interpret the Russian writer L. N. Tolstoy as Rousseau's ideological successor. The researchers draw parallels between the ideas of the French philosopher and the Russian writer.

Key words and phrases: human being; history; being; existence; humanism; peasantry; progress.